

ПЕРОВ Д. Н. — в ПОМПОЛИТ

ПЕРОВ Дмитрий Николаевич, родился в 1901 в деревне Стемасы Алатырского уезда. Получил среднее образование. Священник, проживал в деревне Стемасы, служил в местной церкви. 29 августа 1928 — арестован, 29 сентября освобожден из-под стражи под подписку о невыезде¹. 31 декабря 1928 — вновь арестован, 22 марта приговорен к 3 годам ИТЛ с зачетом предварительного заключения с 28 августа².

В марте 1929 — обратился за помощью в Помполит.

«25/III - 1929 года.

Случайно мне пришлось услышать, что организация "Красного Креста" принимает деятельное участие в облегчении положения заключенных в исправ<ительных> труд<овых> домах и даже входит с ходатайством перед Коллегией ОГПУ за привлеченных по особо важным делам

На этом основании я и решил обратиться к Вам с важной просьбой о некотором, хотя бы с Вашей стороны, участии в облегчении как моей, так и томлящихся со мной 5 человек, участи, с юридически правовой, конечно, стороны.

Дело мое возникло в августе месяце с<его> г<ода> в с<еле> Стемасе Алатырского района Чув<ашской> республики, на почве выселения меня из бывшего церковного дома. 1 августа кончился срок аренды общины верующих с Алатырским РИК'ом на пользование домом, возобновить какую-то РИК отказался, причем, было передано мне словесно, чтобы я освобождал квартиру. В этом доме моя семья жила с 1883 года, и много нужного и ненужного хлама накопилось в такой старой квартире, что отчасти и послужило причиной моего некоторого замедления в выселении, так как вполне ясно, что я не имел никакой физической возможности собрать все свое как домовое, так и хозяйственно-дворовое обиходное имущество, для чего была необходима длительная подготовка в разборке и укладке его.

16 августа получилось в сельсовет официальное распоряжение из РИК'а о выселении меня из дома с неременной сдачей всего страхового имущества зав<едующему> школой тов<арищу> Астафьеву.

В отношении данного работника должен сказать, что между ним и сельским населением была некоторая натянутость по причине его обособленности от гущи крестьянства, а по получении распоряжения от РИК'а отношение массы к своему учителю было поставлено ребром, и все недоброжелатели т<оварищу> Астафьеву воспользовались создавшимся положением и стали, по всей вероятности, распускать всевозможные слухи о его, якобы, желании занять бывший церковный дом и даже называли его главным руководителем по отнятию названного дома из пользования общины. Среди верующей массы данное выселение было злободневным вопросом; до меня стали доходить сначала слухи об участии т<оварища> Астафьева в этом деле, а потом стали спрашивать об этом даже и меня самого, как лицо, стоящее в корне всех этих событий.

В частных разговорах я всегда и всячески стремился разуверить народ в подобных слухах и определенно заявлял, что учитель Астафьев не причем, что изъятие проходит на общих основаниях.

19 августа по разрешению Сельсовета было созвано приходское собрание с целью разрешения квартирного вопроса <...> официально пришлось опровергать версию об участии учителя в данном деле.

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

² Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

Квартирный вопрос на этом собрании был разрешен вполне конкретно, церковную сторожку, которая была назначена моей новой квартирой, постановлено было срочно отремонтировать и привести в надлежащий вид для жилья, но в тоже время, принимая во внимание сорокапятилетнюю давность дома, община решила хлопотать перед РИК'ом об оставлении этого дома в ее пользование, как малопригодного под школу, а сельсовет просить подыскать другое, более новое, более подходящее здание.

В протоколе собрания было высказано желание Сельсовету, чтобы он дал некоторое содействие в хлопотах перед РИК'ом, а также высказано желание о созыве Сельсоветом общего схода для разрешения вопроса о помещении для школы. Участвовать в хлопотах перед РИК'ом Совет, конечно, отказал, а в созыве схода принципиально согласился, но фактически этого не сделал, хотя и обещал созвать сход сначала 26 августа, а потом 28 августа.

Первое из этих чисел прошло тихо и спокойно, никакого схода не собиралось, но второе оказалось, в силу совершенно неведомых обстоятельств, для меня слишком роковым. Народная масса, в частности женская ее половина, как более религиозный элемент, без всякого оповещения со стороны Сельсовета о сходе, а только лишь заранее обнадеженная сведениями о предполагаемом сходе, стала собираться к зданию Сельсовета, где масса и настояла на том, чтобы секретарь Тараненко писал протокол об удалении тов<арица> Астафьева из с<ела> Стемаса, что тот и исполнил, а также выбрали 3-4 женщины уполномоченными для хлопот перед РИК'ом об оставлении и далее названного дома в пользование общины. Всех подробностей этого собрания я не знаю, на нем я не был и своей инициативы для созыва схода ни в чем не проявил, агитации против школьного работника Астафьева не только не вел, как я уже об этом и сказал, но даже принимал меры к его личной реабилитации в глазах ложно настроенной темной массы населения, но не моя, конечно, вина, что мои слова не сделали положительных для него результатов.

Очень важным фактом, отрицательно послужившим в ходе всего моего дела, было случайное совпадение гуляния молодых новобранцев и стычка их с т<оварищем> Астафьевым, на какой почве это произошло, мне совершенно неизвестно. Сказать могу только одно. Новобранцы, которые должны ехать на военную службу последние 1½ - 2 месяца, чувствуют себя настолько свободно, что не считаются с обыденным укладом и нормальными отношениями и много позволяют себе всяких вольностей <...> Подобное явление есть исторический пережиток, вот при подобном состоянии т<оварищ> Астафьев и явился случайным объектом цинизма, грубости и угроз со стороны пьяной молодой кампании, и в этом явлении уже ни в коем случае нельзя усматривать какого-либо организованного выступления против просвещенца. Тов<арищ> Астафьев, зная, конечно, что население мало питает любви и уважения к нему, и напуганный стычкой с новобранцами (это мне известно из следственного материала), очень боялся общего схода, о котором ходили не совсем определенные слухи, скорее постарался сообщить Уполномоченному ОГПУ о своем, якобы, опасном положении. Конечно, все передано было в страшно извращенном виде, все факты были окрашены не в соответствующем свете, на меня было указано, как на главного организатора и зложелателя названного т<оварища> Астафьева. И вот мне в силу необходимости пришлось оказаться обвиняемым по самой тяжелой контрреволюционной статье. Создано большое дело, привлечено со мной к ответственности еще пять человек, и ожидает нас может быть самое суровое наказание. Как тяжело переживать и нести на себе всю эту неправду и ложь, какую возводит на меня тов<арищ> Астафьев. Как обидно испытывать на себе

тяжесть возводимого, хотя и несуществующего преступления. Как страшно звучит подозрение четы Астафьевых в предполагаемом мною и моих каких-то приспешников желании физического уничтожения чуть ли не всей семьи просвещенца. Во всеуслышанье подобные акты никогда не готовятся, и я из всей глубины моего существа протестую против возводимой на меня низкой и подлой лжи.

У меня большая надежда, что Коллегия вполне беспристрастно разберется во всем моем деле, но я одного боюсь, что клеветнические показания некоторых, из общего количества в несколько десятков свидетелей могут привести к отрицательному для меня и для прочих моих сотоварищей по несчастью к нежелательному результату, а поэтому я и решил постараться всеми возможными и разрешенными законом правами для выяснения собственного неучастия и невиновности в этом деле, которое было вызвано только и исключительно темнотой народа.

Тот факт, что во второй мой арест (1 раз я пробыл в Алатырском Исправ<ительно>-труд<овом> доме с 28-го августа по 29 сентября) были арестованы не те крестьяне, которые фигурировали во всем ходе предварительного следствия, а новые личности, затуманил мое дело настолько, что я совершенно в настоящее время нахожусь в каком-то тупике. После предварительного следствия Алатырским Уполномоченным мне была инкриминирована 59 <статья> 2 часть (2 абзац) УК, если признать тот сход 28 августа, вставший в определенную оппозицию к <оварищу> Астафьеву, как явление массового беспорядка, то применение названной статьи к действительным виновникам, но не ко мне, было бы совершенно правильным. Когда дело перешло в Чебоксарский Отдел ОГПУ, то там статья была переквалифицирована на 58-10 УК. Из простого недоброжелательства населения к своему учителю Чувашский Отдел усмотрел какую-то контрреволюцию, и я явился с того времени отчаянным антиобщественником и опасным агитатором и контрреволюционером.

На основании неблагоприятно создавшейся для нашей социальной прослойки конъюнктуры, когда не только единично, но пожалуй наблюдаются и более частые выступления кулацкого элемента в селе, местами, может быть, и не без участия священнослужителей против каких-либо постановлений, распоряжений и мероприятий власти, Чуваш<ский> Отдел ОГПУ совершенно правильно инкриминировал в отношении меня меру социальной защиты.

Но разбираясь строго субъективно в моем деле и имея при этом вполне беспристрастный взгляд на него, станет вполне ясно, что тут вышла явно судебнo-следственная ошибка, через которую может пострадать совершенно невинный человек и даже не один.

Поэтому я еще раз прошу Вас войти с возможным для Вас ходатайством перед Коллегией за невинно томящихся с 5 января шести человек и беспристрастным своим словом дать положительный ход разрешения моего дела. Дело мое за № 232.

Заклученный села Стемаса священник Дмитрий Перов.

«Чебоксарский Испр<авительно>-Труд<овой> дом»³.

В апреле 1929 — заведующий юридическим отделом Помполита ответил Дмитрию Николаевичу Перову.

<12 апреля 1929>

«Гр<ажданину> ПЕРОВУ Дмитрию

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что для ходатайства об

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 402. С. 93-94. Автограф.

ускорении следствия Вы можете прислать заявление, адресованное в ОГПУ. Мы передадим его и уведомим Вас о результате»⁴.

Через десять дней заведующий юридическим отделом Помполита ответил Дмитрию Николаевичу Перову.

<22 апреля 1929>

«ПЕРОВУ Дмитрию.

В ответ на ваш запрос, согласно справке, полученной из ОГПУ, сообщаю, что Вы приговорены в лагерь на 3 года»⁵.

12 октября 1931 — Дмитрий Николаевич Перов был освобожден из лагеря, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край»⁶.

---

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 402. С. 98. Машинопись.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 402. С. 92. Машинопись.

⁶ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.